

Пролог

— Думаешь, люди могут расти?

Он спросил это так, будто читал молитву.

На первый взгляд могло показаться, что эта мысль была надменной – что обычному человеку никогда не стать чем-то большим, чем он есть на самом деле. В то время как большинство извлекло бы из этих слов именно такой смысл, в данном случае они были произнесены с незамутнённой искренностью, словно раскрывая сокровенное, не запятнанное ложью желание.

Учитывая место, где эти слова прозвучали, в этом мог быть смысл.

Здесь, в этой старой заброшенной церкви, под пристальным взором почерневшего от времени образа Девы Марии. На самом деле изваяние не было таким уж внушительным, чтобы называться статуей Девы Марии, но местные, по крайней мере, считали её таковой.

И вот, он спросил:

— Я учился день ото дня и стал хорош в вычислениях. Я запоминал историю. Разумеется, в этом отношении рост вполне возможен. Даже если взять моих учеников, то многие из них, услышав от меня какой-нибудь простой совет, смогли достичь значительных высот. Но... если мы говорим о самой сущности человека, то может ли это в самом деле считаться ростом?

Настоящая цель вопроса лежала в самой его сути – начале его собственной жизни.

Да. В каком-то смысле, может быть, это было невозможно. В конце концов, учитывая всех, кто меня окружал, я не могла выделить никого, кто своим примером ответил бы на этот вопрос. Среди них я была особенной с самого начала; как к особенной ко мне и относились, выделяя среди прочих. Из-за этого единственным «человеком», с которым я могла поговорить, была личность, дарованная одному Тайному знаку.

Пребывая на этих излишне обширных церковных владениях, я только и делала, что сжималась в страхе. Чувствуя груз всеобщих ожиданий на своих плечах, я могла лишь пытаться избегать их взглядов, ничего при этом не делая.

Почему так сложилось, что этот мир такой бесцветный?

Эта мысль никогда не покидала моей головы.

Нет, я понимала, что проблема заключалась не в самом мире. Из-за того, что мой взгляд был всегда затуманен, я была заточена в мире чёрного и белого.

Пепельном.

Мрачном.

Расплывчатом и неоднозначном.

Сером, как и я.

Как бы далеко я ни бежала, я понимала, что это было природой моего существования. В сравнении с этим насколько искреннее были те, кто уже лежали погребённые глубоко под землёй? Избавленные от лжи, не отягощённые тщеславием и амбициями. По-настоящему свободные во всех аспектах. Сказать, что мы различались, словно небо и земля, – значит ничего не сказать.

Когда наконец появился этот человек, я уже отчаялась. Устала отчаиваться, измождённая своей постоянной дрожью от страха.

Я помню, что в тот день он курил сигару, как и всегда.

Его угольно-чёрный костюм был озарён светом, падающим сквозь витражное окно. Несмотря на то, что лицо, сокрытое в образовавшейся тени, несомненно, принадлежало взрослому, мне показалось, что где-то под этой жёсткой маской ещё можно было различить ребёнка.

— Но... — повысила я голос, — разве Вы не самая выдающаяся личность в Часовой башне?

Учитывая, кем я тогда была, подобные слова были для меня редкостью – слова, говорившие о попытке постичь чужое положение. Но поскольку передо мной стоял именно он, то я испытывала необходимость спросить. Даже если это означало немного отклониться от того, как я привыкла относиться ко всем и вся, мне хотелось узнать его.

Он с неохотой ответил:

— Верно... Я считаюсь таковым вот уже более девяти лет.

Его голос был полон сожаления, словно это достижение принадлежало кому-то другому.

Со звуком, похожим на скрип старых ржавых шестерней, он открыл ладони и сцепил вместе пальцы, затянутые в чёрную кожу перчаток.

— Я научился пользоваться магией лучше, чем прежде. Освоил скучные навыки плетения интриг и ведения переговоров. Даже мои достижения в магии стали в какой-то степени значительными. Но... в чём смысл всего этого?

Время, вероятно, целиком потраченное на отчаянный, бешеный подъём. Даже я могла посочувствовать ему.

Несомненно, это можно было сравнить с каждодневным размалыванием своих плоти и костей. Я была не очень-то умна и мало знала о Часовой башне, из которой он прибыл, но могла чётко представить себе напряжённое обучение и суровую дисциплину, которые, должно быть, требовались для достижения тех высот, где он сейчас находился.

Но теперь он всё это отвергал.

— Давным-давно я участвовал в одной битве на Дальнем Востоке...

Я была не в силах поспеть за столь внезапной сменой темы разговора, но он, не обращая на меня внимания, продолжил:

— В той битве участвовало множество Героических душ и их Мастеров. Разумеется, Героические души были несравненно могущественными существами, но даже Мастера все, как один, являлись лучшими из лучших, профессиональными убийцами, сравниться с которыми я не в состоянии даже теперь. Если спросишь, каким образом я, будучи тогда ещё более неопытным, чем сейчас, умудрился выйти из той битвы живым, то я отвечу, что мне просто повезло. Другого ответа я найти не могу. Из-за полного отсутствия каких-либо способностей я избегал внимания всех остальных. Да, если бы там был я нынешний, то меня бы, вероятно, сразу бы заметили и убили.

Он сказал «вероятно», но в его голосе чувствовалась тяжесть сотен, тысяч тех моментов, когда он воспроизводил эту битву в своей голове как-то иначе. И в скольких из этих различных вариантов он видел свою смерть?

В прохладном воздухе церкви вновь раздался его голос:

— В таком случае означает ли, что тот, кем я был тогда, на самом деле лучше, чем тот, кем я являюсь сейчас?

— Как Вы и сказали, думаю, это вопрос везения... — пробормотала я, поделившись своими мыслями. Мне казалось, эти слова требовали возражения...

Но.

— Да, именно так. Но можно ли считать, что тот, кто выжил лишь по воле удачи и совпадений, действительно вырос?

Он вновь вернулся к изначальному вопросу.

Не то, чтобы он привёл нас обратно к тому, с чего мы начали. Мы, скорее, просто не сходили с этого пути. Не то, чтобы он был особо красноречив. Просто его простая откровенность заставляла его проталкивать этот вопрос всё дальше вперёд. Просто такой уж он был человек.

Его манера была настолько серьёзной, что невольно хотелось горько усмехнуться.

Впрочем, я едва ли была уверена в том, что кто-то другой смог бы всерьёз воспринять то, что он говорил.

— Путь, что мы избираем, когда наша жизнь оказывается на пересечении дорог, всегда определяется мельчайшими совпадениями, поворотами судьбы, которых даже не заметишь. Если дело в этом, то можно ли действительно сказать, что люди растут? Даже будучи ребёнком, любой может поддастся желанию просто тихо следовать за кем-то более великим... кем-то, кто уже таким родился, королём. Разве нет?

Он говорил так, словно уже смирился с тем, что так был устроен мир, но при этом будто карал кого-то, кто воспринял это как факт.

Кто же это мог быть?

Словно взирая в самую пучину ада, он продолжил свою гневную речь:

— Я нисколько не вырос. С тех пор ничего не изменилось. Я ни на дюйм не приблизился к становлению тем человеком, которым я хочу быть.

Эти слова сочились кровью.

Раны на его душе совсем не затянулись, и даже теперь из них струился яркий багрянец. Или, скорее, он словно сам погружал в эти раны свои ногти, намеренно не давая им закрыться. Будто пульсирующая боль в его сердце служила напоминанием о том порыве, который вывел его на этот путь.

— Я... хочу измениться.

Ему, вероятно, было где-то около тридцати.

В таком возрасте кто-нибудь из его коллег, несомненно, посмотрел бы на его успехи с недоумением и спросил: «Зачем тебе вообще меняться?» Но это его стремление не было каким-нибудь желанием нового яркого будущего. Оно даже рядом не стояло с извечными амбициями гения, который уже достиг звёзд.

«Отвратительно...»

Именно такая мысль вспыхнула в моей голове.

Это было знакомое мне чувство. Словно скопление грязи под кожей.

«Ах...»

И тогда я поняла.

Люди из моего родного городка всегда говорили мне, что я должна меняться. Должна вскармливать редкий дар, которым я обладала. Что нежелание развиваться при наличии способности само по себе есть грех, который не так-то просто простить.

С другой стороны, если верить книгам, которые достигли даже наших сельских глубин страны, ты должен принимать себя именно таким, какой ты есть. Безответственные слова, говорящие тебе принять нелепые и жалкие части самого себя, с которыми даже мне было нелегко согласиться.

Но ничего из этого не было похоже на него.

Можно было не видеть глубокие складки между его бровями, или тонкую ниточку, в которую превратились его сжатые губы. Его слова и без этого были предельно ясными. Отказ от этого простого, лёгкого способа измениться. Отказ от этого ленивого нежелания меняться.

— Даже так... нет, именно поэтому мне нужна твоя помощь, — произнёс он. — Это целиком и полностью мой эгоизм. Я не гарантирую, что смогу дать тебе достойное будущее или компенсацию. Я, скорее, просто подвергну тебя опасности. И я не настолько высокомерен, чтобы сказать, что смогу тебя защитить. Вероятнее всего то, что в итоге это тебе придётся рисковать всем, чтобы защитить меня, а я окажусь единственным, кто останется в живых.

Кусочек за кусочком он честно говорил мне правду. Мне казалось, что ему не нужно было озвучивать вот так все минусы, но... такой уж он был человек. Но благодаря его честности я смогла мельком увидеть другую истину.

Его слова сочились кровью. Его душа была сильно изранена. Он продолжал страдать даже теперь. Решения, что он принял в прошлом, его нынешний образ жизни, его будущие возможности – всё это было для него агонией, словно он всё ещё сжимал в руках копьё, пронзившее его сердце.

Именно поэтому, несмотря на голос логики, я вняла его словам.

— Но даже так... я хочу, чтобы ты пошла со мной.

— ...

Раз так, то почему бы и нет, подумала я.

Если Вы будете переживать вместе со мной.

Если Вы будете страдать вместе со мной.

Если Вы будете получать раны вместе со мной.

Если я приму предложение этого человека, то его напутствия будут лучше слов любого мудреца, подумала я.

— Можете пообещать мне кое-что? — произнесла наконец я.

— Пожалуйста... продолжайте и впредь ненавидеть моё лицо.

Даже теперь я отчётливо помню то его растерянное выражение лица.

Тогда я подумала, что он, должно быть, был хорошим человеком. Настолько хорошим, что всё ещё стыдился своей испуганной реакции при первом взгляде на моё лицо. Но несмотря на это, после паузы, продлившейся несколько секунд, он с силой кивнул.

— Обещаю.

Так сказал Лорд Эль-Меллой II. Мой учитель.